

Люсый А.П.

**КРЫМОТОПИЯ: О СУБЬЕКТЕ  
ГЕТЕРОТОПИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
(В СВЯЗИ СО СЛУЧАЕМ АФРИКИ В КРЫМУ)®**

*Институт кино и телевидения (ГИТР),  
Москва, Россия, allyus1@gmail.com*

*Аннотация.* В статье осмысливается психиатрическая структура пространства гетеротопии. На материале перформативной экспедиции художника-концептуалиста Сергея Бугаева (прозвище-псевдоним – «Африка») в Симферопольскую психбольницу обосновывается гипотеза, что на уровне языка безумие может быть гетеротопическим ресурсом, устанавливая свои вертикаль (высокое и обыденное безумие) и горизонталь (выход, существо, маргинализация). Нarrатологический подход позволяет проследить, как тема безумия влияет на организацию структуры гетеротопического нарратива и системы точек зрения на гетеротопическое пространство.

*Ключевые слова:* гетеротопия; безумие; неразумие; инициация; акция; эксперимент; концептуализм; шизофрения.

Поступила: 03.07.2019

Принята к печати: 21.07.2019

**Liusyi A.P.  
Crimeantopia: On the subject of heterotopic activity  
(in connection with the case of Africa in the Crimea)**

*GITR Film & Television school,  
Moscow, Russia, allyus1@gmail.com*

*Abstract.* The article interprets the psychiatric structure of the heterotopic space. The material of the performative expedition of conceptual artist Sergey Bugayev (Africa) to the Simferopol Mental Hospital substantiates the hypothesis that, at the level of

the language, insanity can be a heterotopic resource, establishing its vertical (high and ordinary madness) and horizontal (output, descent, marginalization) axes. The narratological approach enables the researcher to observe how the topic of madness affects the organization of the structure of the heterotopic narrative and the systems of viewpoints.

*Keywords:* heterotopia; madness; foolishness; initiation; action; experiment; conceptualism; schizophrenia.

Received: 03.07.2019

Accepted: 21.07.2019

Открывателем «других пространств», гетеротопий, был как путешественник по дальним странам, так и путник вокруг собственного стола. З. Бауман подразделяет современных путешественников на туристов и бродяг. Для туриста традиционным центром мироощущения оставалась конечная устремленность к возвращению «домой», поскольку «дом» оставался центром «своего» мира. «Бродяга» же стремится «из» дома, которого он часто вообще не имеет. Бродяга – человек, для которого пребывание в пространстве «чужих» является более естественным или даже более желанным, чем среди «своих». С бродягой соотносится трикстер. Возникают и новые места иллюзий и гибридизаций. В отличие от маргинал-трикстера аналогичная фигура тролля оказывается здесь в мейнстриме на всех уровнях – от кухонных скандалов до большой политики. В статье осмысливается психиатрическая структура пространства гетеротопии. Важные для понимания специфики пространства гетеротопии как таковой и ее эпицентра в трактовке М. Фуко понятия *безумный* и *сумасшедший* лингвисты сопоставляют таким образом: безумный сочетается с оценочными именами лиц, а сумасшедший с функциональными.

Развивая это наблюдение, предположим, что на уровне языка безумие становится строительным гетеротопным материалом, имея свои вертикаль (высокое и обыденное безумие) и горизонталь (выход, существо, маргинализация). Гипотеза, что на уровне языка безумие может быть гетеротопическим ресурсом, устанавливая новые аспекты вертикали (высокое и обыденное безумие) и горизонтали (выход, существо, маргинализация), осмысливается далее в статье на материале перформативной экспедиции художника-концептуалиста Сергея Бугаева (Африки) в Симферопольскую психбольницу.

Сергей Бугаев, Африка, – незабываемый мальчик Бананан из культового фильма времен «перестройки» Сергея Соловьева «Асса», действие которого разворачивается в Ялте. Его дальнейший артистический путь не поместился в рамках экрана, существуя в русле масштабных художественных концептуалистских экспериментов [Bryzgel]. В его петербургской мастерской побывало немало мировых знаменитостей – Феликс Гваттари (соавтор Делёза в фундаментальном труде «Капитализм и шизофрения»), Жан-Франсуа Лиотар, Жак Деррида. Последний так расценит его опыт коллекционирования символов советской эпохи: «Я, кажется, вижу, к чему вы стремитесь. Вы, кажется, хотите придать этим предметам статус объектов вне истории» [Бугаев, 1995, с. 95].

В 1993 г. состоялась поездка-акция С. Бугаева в Крым в роли «больного», так что эта поездка имела инициационный характер экспедиции в постполисное гетеротопное пространство [Dehaeane, De Cauter, 2008, с. 276–284]. Участник акции, философ и психоаналитик Виктор Мазин во врачебно-художественном дневнике этого путешествия «Афразия» обрисовывает общую экспозицию, своего рода «Дикое поле» эксперимента. «Речь, вероятно, пойдет о континente, о непрерывном пересобирании Образа из сопредельных фрагментов, о последовательном формировании фиксируемого в качестве твердой земли всегда лишь возможного основания, твердого вопреки хрупкости души, человека, художника.

Например, возможно, будет сказано о своего рода тектонической контаминации, которая разворачивается в области становления субъекта по границе сопряжения онто-био-морфогенетических программ и социоэкологических обстоятельств складчатой территории.

Именно это разворачивание “внешних” баталий на “внутренней” территории и приворывает взгляд заинтересованного наблюдателя, который, сам того не замечая, испытывает в своей зависимости от наблюданного безусловные перемены» [Бугаев, 1995, с. 95].

Это *у-здоровительное* путешествие с самого начала замышлялось и как художественная акция. Для медленного и плавного перехода от традиционного художественного существования к медицине состоялась встреча с одним из создателей группы (точнее, как позиционируют себя сами медгерменевты, Инспекции) «Медицинская герменевтика» Сергеем Ануфриевым (ставшим позднее известным также как соавтор заметного на нынешнем литератур-

ном горизонте романа «Мифогенная любовь каст»). «Художественная практика “Медицинской герменевтики”, – пишет Макс Фрай, – не может быть описана в рамках обычной классификации по жанрам: она включает в себя изготовление художественных объектов, перформансы, писание текстов и просто ведение дружеской беседы, но, в сущности, не является ни тем, ни другим, ни третьим и не суммой всех этих занятий. <...> Уже название группы указывает, что она занята в основном определением и истолкованием неких симптомов, с целью, возможно, лечения болезни, о которой они свидетельствуют» [Фрай, 2019, с. 190]. Так искусство, медицина и герменевтика образуют жанровый текстуальный треугольник, очерчивающий символическую территорию событий.

«30.01.93. Суббота. За беседой с Ануфриевым о ванной и поезде как местах наиболее удачных – в силу частичного снятия физической гравитации – для проявления ментальной гравитации мы подъезжаем к Матери Городов Русских – Киеву.

Состояние Сергея Анатольевича Бугаева переменчивое: редкие вспышки заинтересованной активности сменяются длительной безучастностью. За окном бежит Днепр, зона расселения славянских племен. Москва-река, а тем более река Нева, будут освоены позже.

Место памятника Ленину уже занимает электронное информационное табло. И теперь рабочие неспешно отбивают рельеф, изображающий Красную Площадь. Возбужденный и ошарашенный этим деянием, причитая, Сергей Бугаев фотографирует происходящее...

Вероятно, очаги максимальной идеологической нагрузки в настоящее время больше всего и беспокоят. Исторический период первостепенного значения не имеет. Важен комплекс (“текстуальный блок” в терминологии Ю. Кристевой. – А. Л.). Важны действия и взаимодействия, разыгрывающиеся с одинаковой мощью по разным силовым временными пунктам. Все ожили: Ярослав Мудрый, Иван Грозный, Петр, Ленин, Сталин. И сам Н.Ф. Фёдоров, для которого искусство и наука соединились в общем деле воскрешения умерших отцов. В Софийском Соборе ноумenalное доминирует над феноменальным. И через Софию-премудрость ноумenalное доминирует над феноменальным. И через Софию-премудрость Киев стал ядром не только христианизации, но и ок-

сидентализации<sup>1</sup>: эйдос Платона, а не копье монгола, вводится через Киев. Именно с этого участка начинается адаптация к западной дискурсивности.

Глас Божий – Всюду слышимый.

Глаз Божий – Всюду видящий.

Не они ли ведут к синдрому психического автоматизма, который несколько лет назад Сергей Бугаев называл своим любимым синдромом. Нелегко, видимо, бороться с синдромофилией» [Бугаев, 1995. с. 96–97].

На следующий день, который также прошел в Киеве, по описанию В. Мазина, Африка многократно отбивал чечетку, всегда неожиданно и в самых неподходящих для этого местах – в очень узком, почти отвесном винтовом проходе на колокольню в Киевско-Печерской лавре, в ресторане «Днепр», в вагоне метро... Время от времени пел частушку военных времен «Гитлер был укушен за ногу бульдогом» и громко смеялся.

«Киев в хрустальном дребезжании. Мороз. Пронизываемы кристалликами. Посетили еще ряд сакральных позиций: видели отцов, братьев живых, святые мощи в пещерах. С.А. Бугаев говорил о гипербулике<sup>2</sup> и о доминировании у человека инстинктов – пищевого, полового и стремления уйти на покой, т.е. уснуть, умереть: фактически описывал, в соответствие с З. Фрейдом, основные влечения – *Lebenstribe* и *Todestribe*» [Бугаев, 1995. с. 97].

В. Мазин размышляет о нешуточном характере задуманного предприятия. Ведь население психбольницы, представляя собой модель социума в целом, имеет свою жесткую иерархию. За пару недель до начала поездки по ТВ был показан репортаж из Ингушетии, где после бомбёжки из какого-то городка бежало все здоровое население, включая врачей местной психбольницы. И тогда брошенные на произвол судьбы больные сразу же избрали комитет спасения как орган самоорганизации. Больные самоорганизовались и собственными силами навели порядок. Более того, были провозглашены мир и дружба политически разделившихся чеченов и ингушей, начался праздник интернационального единения, а также свободы в пределах больницы (на «волю» никто не бежал).

---

<sup>1</sup> То же, что и вестернизации.

<sup>2</sup> Гипобулика, гипобулия – снижение волевой активности, желаний и побуждений к деятельности.

Буйные при этом были изолированы в подвальных помещениях. То есть произошло выделение больных среди больных, как это происходит в «здоровом» обществе по описанию М. Фуко.

Путешественники размышляют, что новенькому в психбольнице придется проходить обряд инициации, чтобы занять «свое» место в структуре данной социальной общности. Учитывая особенности Бугаева, В. Мазин приходит к выводу, что больного не устроит субмиссивная (подчиненная) позиция. «Риск, лишенная внешней логики само-ссылка в неблагоприятные условия могут быть связаны с бессознательным поиском опасности, сопряженным со стремлением уменьшить невротическое беспокойство» [Бугаев, 1995, с. 98]. Африка часто заговаривает о распаде страны, беспокоится за будущее разных ее регионов, мыслит «героически-освободительным образом». Так диссоциация страны, состоящая из ряда разнокодовых диссоциаций – территориальной (распад страны), экономической (распад единой государственной формы собственности), идеологической (распад единой идеологии), «товарно-этикеточной» (появление рекламы на разных языках, появление невиданных продуктов типа йогурта, папайи и киви) – привела к диссоциации личности. Ни участники тогдашнего эксперимента, ни автор этих строк не обладают статистическими данными о росте шизофrenии после распада СССР, но личный опыт свидетельствует о шизофrenизации в геометрической прогрессии.

1.02.93 путешественники уже в Симферополе. В городе хмуро и холодно. В такой сезон 170 лет тому назад Константин Батюшков здесь окончательно сошел с ума.

Африка пытается оттянуть поселение в клинику. Группа совершают сужающийся фракталообразный обход по геометрии города. Наконец, около 17.00 состоялась краткая деловая встреча с профессором В.П. Самохваловым. О художественной составляющей опыта знают только он, заведующая острым психическим отделением Крымской Республиканской психиатрической больницы И.А. Строевская и три молодых помощника Самохвалова. На направлении был поставлен диагноз предварительного обследования – «Реактивное состояние». В детстве, между прочим, Африка мечтал быть космонавтом, а одна из первых его картин после переезда в Ленинград представляет собой яркое неоэкспрессионистское изображение Белки и Стрелки, первых космонавтов-собак.

В 1830, после завершения формальных процедур, в ходе которых больной Бугаев периодически взрывался странным дребезжащим смехом, санитары уводят его по коридору, вдоль которого группами располагались старожилы заведения. В больнице – педикулез. Бритье наголо неизбежно. Гетеротопии *городского фронтира*, к которым, согласно М. Фуко, относятся и психбольницы, могут рассматриваться, «с одной стороны, как девиационные гетеротопии, поскольку объединяют людей, которые не смогли или не захотели полноценно интегрироваться в социальное пространство, а с другой – как гетеротопии убежища» [Российская гетеротопия, 2017, с. 41]. Психиатрическая больница в Симферополе была организована в 1824 г., чуть ли не раньше возникновения самого города, на базе солдатского госпиталя. В конце XIX в. по проекту архитектора Фрезе в центре города было построено специальное здание, изначально задуманное как психиатрическая больница, с моргом и водонапорной башней. То есть если в других городах в центре находится крепость, собор или рыночная площадь, то здесь именно больница (напротив – почти столь же древняя тюрьма). Эти здания – полюсы гетеротопического пространства как такового – до сих пор не подвергались существенной реконструкции.

Первыми пациентами этой больницы были страдавший белой горячкой солдат Сидоров и «непотребная девка Парашка» с «французской болезнью» (сифилисом). Во время Второй мировой войны с приходом немцев, как это обычно происходило, большая часть больных была уничтожена в газовых камерах. Однако вновь поступавших больных лечили уже немецкие врачи, заполняя истории болезни на немецком языке. В советский период в больнице проводилась терапия в основном нейролептиками и шоковыми дозами инсулина. Такой стандартный подход иногда приводил к гибели пациента. У каждого своя мера безумия и гетеротопии. Известен случай из позднесоветских времен, когда поздно вечером был доставлен отдыхающий из санатория с галлюцинациями. Дежурный врач велела «успокоить» его препаратами, и он умер. Вскрытие показало, что галлюцинации возникли на почве пищевого отравления. У другого пациента, местного журналиста, галлюцинации вызывали так до летального исхода и не распознанный солитёр, в больнице, с ее пищевым рационом, естественно, только усиливавший провоцирующее чувство голода давлением на желудок жертвы.

Водители городского транспорта с гордостью объявляли название ближайшей одноименной остановки – «Психбольница». Но однажды это название изменилось на «Художественный музей», и такое торжество транспортного оптимизма как будто бы предваряло общую стратегическую цель эксперимента Африки по изживанию болезни художеством. Больница находится на улице Розы Люксембург. По этому поводу можно было бы вспомнить и влюбленного в эту немецкую революционерку героя «Чевенгур» Копенкина. Отметим только, что и Крым в целом стал средоточием психиатрических клиник. По мнению профессионалов психиатрии, периодически пробуждающийся архаический миграционный механизм влечет шизофреников в Крым из разных регионов бывшей страны. По установленным В. Мазиным данным, все лидеры крымских политических партий – бывшие пациенты психбольницы с разными диагнозами. В описываемый период они появлялись в больнице с просьбой сохранить за ними инвалидность, дающую право на получение пенсии и возможность не работать, но при этом убрать сам диагноз. «Эти люди способны к мощной индукции, и за ними действительно движутся “нормальные” народные массы» [Бугаев, 1995, с. 104].

Что же касается Африки, по его собственному признанию Самохвалову, в момент госпитализации при виде девушки-врача он испытал мощный любовный порыв. «Страх перед потерей себя, похоже, вызывает к работе инстинкт самосохранения, сохранения себя-в-другом» [Бугаев, 1995, с. 104]. В первые дни Пациент перенес также тяжелый грипп и приступ зубной боли, что специалисты трактовали как своего рода конверсии на тело, т.е. перевод болезни с психического уровня на физический.

В главной психиатрической клинике Крыма имеется своя палата № 6, с хроническими больными. Для врачей это своего рода индикатор здоровья остальных обитателей всего 1-го отделения больницы. Другие больные считают обитателей этой палаты единственно подлинно сумасшедшими и предпочитают с ними не общаться. Это маргиналы, которые видом своим демонстрируют прочим маргиналам их внутрибольничную центральность. Эту палату называют также «Зверинцем», что подчеркивает человеческий (гуманистический) характер представителей других палат. «Звери и с-ума-сошедшие лишены главного в человеке – сознания, совместного знания о самих себе: *Homo Sapiens* отличает себя от

*Homo Delirius и Homo Animalus»* [Бугаев, 1995, с. 104–105]. Находясь во взбудораженном состоянии, новый пациент начал вступать в контакт в основном с обитателями палаты № 6.

Если руководствоваться внешним видом и врачей, и больных, то подавляющее большинство находится тут в состоянии бодрости и радости. «Этот веселый человек с румянцем – наш врач, а вот румянец не по причине – крепкого здоровья, у него туберкулез», – провел художественную экскурсию профессор Самохвалов.

Не совсем здоровые врачи и не совсем вылечившиеся больные впадают в состояние «госпитализма», т.е. налицо крымский вариант «Волшебной горы» (самого гетеротопного романа Томаса Манна, почему-то не удостоившегося внимания М. Фуко). Ряд врачей всю жизнь проводят на территории больницы, обретая там свое жилье. Доктор С., лечивший Афирику от простуды, говорил ему: «Не подумай, что я сумасшедший, но все проблемы возникают у меня там, за воротами больницы, а здесь – все в порядке» [Бугаев, 1995, с. 99]. Через год В.П. Самохвалов сообщает в телефонном разговоре, что этот доктор переведен в пациенты. Буквальное повторение «Палаты № 6» Чехова.

Такое же нежелание покидать территорию больницы охватывает и некоторых выписавшихся больных. К примеру, художника Анатолия Николаевича Перегуда. В свое время, в один из весенних дней 1958 г. стены и асфальт города-героя Севастополя были покрыты надписью «Все силы на борьбу за наилучшее будущее человечества». Диагноз, который был поставлен автору, – «простая шизофрения». В надписи «нормальные» эксперты обнаружили издевательство над всей страной. Индивидуальное выражение общей схемы коммунистического лозунга послужило достаточной уликой, не подозрением, а достоверным симптомом, что, по Лиотару, является отличительной чертой тоталитаризма.

Госпитализация автора привела не к исчезновению лозунга, а к его, если так можно выразиться, «пленильному умалению». Каждый день на карточке размером с лист записной книжки лозунг продолжает регулярно проявляться над стеном для киноафиш. Официально выписанному из больницы, но не пожелавшему покинуть ее пределы Перегуду было выделено жилье, он выполнял некоторые художественные задания руководства больницы по созданию санкционированных призывов. В свободное время он охотно

излагал содержание своих стихов, поэм, пьес, заполняя паузы не то чтобы «изложением», а скорее «разложением» разнообразных размышлений, отчасти соотносимых в своих гетеротопных самообоснованиях с некоторыми высказываниями Африки: «Ленин совсем как Иисус Христос через две тысячи лет тоже всю свою жизнь выступал против богачей, что их нужно ликвидировать, чтобы побольше везде забастовок устраивали, в России и в других странах. В конце жизни даже фамилию себе придумал “Ленин” чтобы все люди как можно больше ленились» [Бугаев, 1995, с. 101].

Толчком к настоящему сближению пациентов и Африки в Крыму стал следующий эпизод (6.02.1993). По телевизору показывали излучавшего счастье человека с кокосовым орехом под солнцем Флориды. Как бы бессознательно Пациент произнес: «Именно в этом месте я должен сейчас быть». Все с одобрением повернулись к нему и оживленно запричитали: «Все мы там сейчас должны быть». И тогда наш Пациент принял решение выпустить стенгазету и подготовить специальную выставку, развернув ее в палате и в туалете. Это как бы подтверждает сказанное в предваряющей данный вояж беседе для журнала «Кабинет»:

- Африка, если перестанет творить, попадет в клинику.
- Мы, кстати, с ним об этом уже говорили. Он сказал, что, когда попадет туда, будет продолжать создавать произведения.

С психиатрической точки зрения такое состояние обозначается как синдром навязчивой репрезентации (СНР). При этом носитель этой идеи самой идеи противопоставлен. Идея столь же принадлежит ему, так как она «родилась» и «существует» в «его голове», сколь и не принадлежит – он лишь одержим ею, и она не подвластна ему, а авторитарна и садистична. Этот механизм установления господства себя над собой рождает в своей раздвоенности сомнение. Целый веер сомнений типа «ложиться или не ложиться в больницу», «делать или не делать выставку» раскрывается в центральном: «Быть (художником) или не быть?».

Помнится, самый первый таким образом вопрошивший (Гамлет) тоже притворялся сумасшедшим...

В течение последующих пяти дней Пациент испытывает состояние возбуждения и бездействия. Не говоря ничего, куда-то убегает, потом рассеянно что-то слушает, потом наблюдает за какой-то сценой. Понаблюдать, конечно, есть за чем. Вот (11.02.1993) в отде-

ление поступил кришнаит, часами распевающий мантру: «Харе Кришна, Харе Кришна...».

Всякая сопровождающаяся посвящением смена статуса, переход из одного состояния в другое сопровождается и сменой имени. Неноминацию пережили и город на Неве (альтернативами «исконному» Санкт-Петербургу тоже были Петроград и футуристическое предложение от Солженицына – Свято-Петроград), и Пациент оттуда. Последний получил несколько новых имен, среди которых закрепились – Питер и Балтика. Имена эти точно маркируют пространство. «Балтика» указывает на контрапункт Черного моря – Балтийского, на котором был основан город имени хранителя, Святого Петра. А имя Сергей оказалось недостаточно значимым и было вынуждено уступить место тотемному имени, имени на переходный период, которое связывает персонаж с территорией. Имя создает поля толкований. Толкования расширяют сеть коннотации имени, подключают его к сети камуфлирующих друг друга замещений. В одном из финских журналов свое имя Африка получил от собственных родителей, кенийских дипломатов. В другом, американском, это имя было интерпретировано как связь с великим русским поэтом Пушкиным, предки которого были из Африки. Поэтическая же линия вела от Пушкина к Андрею Белому, настоящая фамилия которого была – Бугаев. Сам Бугаев точно не знает, почему он Африка – так назвал его Борис Гребенщиков, когда привел в «Ассы».

«Больные» и «здравые» крымчане демонстрируют патриотически навязчивый крымоцентризм. По местному телевидению молодой художник на основе сравнительного анализа физической карты мира и «Божественной комедии» Данте приходит к выводу, что Крым – место грядущего пришествия Сатаны. Но для «выздоровевшего» больного, добровольного обитателя клиники Перегуда, как и для большинства крымчан по месту рождения или по призванию Крым остается местом Рая.

Однако вернемся к *крымопсихономике*, как можно охарактеризовать содержательную часть этого крымского гетеротопического эксперимента, в контексте формулирования общей теории гетеротопии. «Если праздник – это приостановление во времени политических и экономических событий, то гетеротопия – это убежище в пространстве от политического и экономического. Убежище – это теменос, святая земля, где те, кто убегает от зако-

на, от власти, от жестокости, могут найти приют, это безопасный рай, который прячет от насилия общества, законного и незаконного. Убежище – это ультимативная гетеротопия, предоставляющая защиту от ойкоса и агоры, прерывающая традиционный порядок общественного пространства... Истинная гетеротопия – это анти-экономическое пространство, не то чтобы лишенное экономической базы, скорее ее экономика лежит за пределами “экономического интереса”» [Масталерж, 2012, с. 38].

Итак, 12.02.1993. Пациент по-прежнему находится в состоянии торможения, поглощен аутизованным миром больного, отказываясь от осуществления своих планов. В. Мазин предполагает, с опорой на труды доктора Строевского, что это и есть «период ухода»: «Отдалиться от людей, чтобы пропеть им новую песнь» [Бугаев, 1995, с. 111]. Так, из двух действий складывается «синдром Заратустры»: сначала – уход, отшельничество, потом – возврат, самопрезентация, в ритуальных актах выступающая как претензия на высокий пост в социальной иерархии. Субъект оказывается перед необходимостью само-презентироваться. Это выражается в удвоении одной из двух стратегий: само-обнаружения и само-скрывания. Одна из любимых китайских поговорок Бугаева: «Чтобы быть незаметным, нужно стать в центре города под ярким фонарем». Аналогичная стратегия свойственна ему при включении механизма концептуалистского переприсвоения уже готовых образов – художников и «страны» (коллекционирование флагов и монументов).

Это чередование составляет еще одни ритм повторов появления и исчезновения. В процессе повторения проявляется и процесс семиотизации по Р. Якобсону. «Несоздание произведений открывает путь медицинскому вмешательству, так как, если всякое творчество является психотерапией, то прекращение творчества запускает другую психотерапевтическую машину. Брешь между мозгом индивида и средой обитания заполняется медицинскими препаратами. Социальная среда репрессирует такого рода индивида, используя два механизма: либо, по тем или иным мотивам, препятствуя его творчеству; либо провоцирует его на постоянное творчество, доводя художника до состояния, требующего вмешательства психиатрии. Явление усилено и “благоприятно” обусловлено массовым воспроизведением и механизмами функционирования художественного рынка» [Бугаев, 1995, с. 111].

13.02.1993. Пациент жалуется на уголовные элементы в отделении. Его мучает насилие над больными. Больные же стоически уверены – их спасут из космоса.

14.02.1993. Пациент сосредоточен на теме татар,лечения,войлока (в связи с историей художника Бойса,которого в годы войны,в которой он принимал участие в качестве летчика,якобы спасли татары,обмазав жиром и закутав в войлок),болезни как адаптации.

15.02.1993. Адаптация означает и согласие на определенные условия,и чувство комфорта именно в данных условиях. Пациента спасает сон,в который он подолгу погружается в самых неблагоприятных для этого условиях. В.Мазин видит сходство этой ситуации с эпизодом фильма «Асса»,когда приговоренный к смерти Бананан спокойно уснул между своих убийц в автомобиле в момент его транспортировки к месту убийства,во сне же он увидел произведения искусства.

16.02.1993. У Пациента развивается культ яйца: на яйца он обменивает всю остальную еду. По Мазину,в этом могло выражаться: а) стремление запастися питательный продукт; б) регресс к фаллической фазе развития; в) символический возврат к мировому космическому яйцу пренатального<sup>1</sup> состояния. Вообще-то яйца,наравне с хлебом,выполняют функцию денег в больницах,пионерских и исправительных лагерях. «Лагерь – это смиренное пространство тотального отказа» [De Cauter, 2009, с. 5]. Это оппозиция убежищу,место приостановки власти закона,где люди не имеют ни гражданских,ни человеческих прав. «Агамбен утверждает,что это место,где нет лимитов,где может произойти все что угодно. Если гетеротопия – это место для другого,тогда лагерь – это пространство для других,где все другое аннулируется,уничтожается (иногда совершенно буквально). Дехаан и Де Каутер соглашаются со всеми принципами гетеротопологии Фуко,за исключением второго,касающегося перемены функции,так как считают что гетеротопии заканчиваются,становясь городскими или же государственными институтами,либо,в других случаях,принимают стабильную функцию внутри экономической системы» [Масталерж, 2012, с. 38].

<sup>1</sup> Пренатальное – относящееся к поздней стадии индивидуального эмбриогенеза.

Пациент инициирует выход первой больничной стенгазеты, выполненной, впрочем, другим больным. Мышление берет верх над деянием. Одна из проблем современного искусства – изготовление его чужими руками в других пространствах. Сознание при наемной форме производства произведений приобретает не только дополнительные пары рук, но и дополнительные навыки. Пациент приобретает книгу «Герои Советского Союза» и на следующий день пытается за сигареты нанять помощников по вырезанию из книги портретов для выставки. Использование готовых (*ready-made*) форм – типичное в современном искусстве проявление десубъективации и деавторизации. Основоположник данного жанра Уорхол – один из героев Африки и один из пунктов сборки Идеал-Я.

Название газеты довольно самокритично: «Это газета самых многочисленнейших в мире больных, тормозящих больше всех Совершенствование Человечества под руководством Психиатрии». Тексты этой крымской психиатрической свободы слова прямо противоположны друг другу.

«В постоянном увеличении психиатров и психбольных? Для психиатрии смысл, конечно, есть. Подавляющее большинство психиатров “работают” чисто для своей зарплаты, работают чисто формально, без всякого смысла для всего человечества, и в огромный убыток для человечества» [Бугаев, 1995, с. 130].

18.02.1993. Ночью, когда Пациент клеил Героев Советского Союза, к нему подошел один обитатель и спросил: «Ты диссидент?» А потом тихо запел: «Союз нерушимых республик свободных...»

20.02.1993. Обитатели весь день обсуждали проблему СПИДА. Пациент, вероятно, в связи с высокой температурой, заигрывает с Обитателями, имитирует их речь, жесты и мимику. По мнению наблюдателей, это пример пересубъективации как пример истерического изменения личности, т.е. десубъективация как пересубъективация.

23.02.1993. Все отделение праздновало День Советской Армии и Военно-Морского флота. В «зверинце» на стенах над кроватями, лишенными традиционных подушек и одеял, висели чистые листы бумаги с тщательно наклеенными на них фотографиями Героев Советского Союза. Это был первый этап к собственно подготовке выставки в Музее прикладного искусства в Вене.

В этот же день Африку выписывают из больницы. По этому случаю из Вены приезжают Питер и Икси Невер. Как интерпретируется созданный в это время Африкой рисунок «Автопортрет» (№ 6), на рисунке изображен ребенок с особенно точно изображенными ушами и квадратной радужкой одного из глаз (что связано с комплексом близорукости и контактными линзами). В целом, это лицо победителя, что в этологии называется «плюс-лицо». «Доминантный ребенок тот же юноша, являющийся источником Героя, который в итоге вырастает в Мудрого старца. Негативной стороной этого личного мифа является бродяга (собиратель сплавного леса в сновидениях), странник, бегущий из дома и воспринимаемый дома как злодей. Женскими элементами роста Героя является непосредственность и теплота и фатальность эротики Принцессы-Соблазнительницы, а при достижении образа Героя – идея объединения с Амазонкой как олицетворением женского интеллекта, женщиной-компаньоном. Учитывая 10 выростов “огнебыка” на рисунке 5, их семантику можно интерпретировать как X карту Таро “Колесо фортуны”: счастье и несчастье одновременно, приобретение и утрату, словом, стереотипное повторение. Целостная семантика личности Африки выглядит как бессознательное стремление к вырастанию из юноши в Героя. Отсюда стремление к презентации героических (имперских) символов, интеллектуализации при отказе от эмоций, воздушной стихии из стихии огня (устремление Ленина в космос в центральном зале венской выставки, красные [огонь] флаги)» [Бугаев, 1995, с. 132].

Так объясняется презентация в симферопольской клинике множеств Героев Советского Союза. В.П. Самохвалов не совсем согласен с трактовкой символическими родственниками Африки (в частности, В. Мазиным) поведения Африки как болезни, синдрома навязчивой презентации. Для профессора это – вырастание архетипа героя с фиксацией на идеях инициации. Синдром же отличается более строгой стереотипизацией, меньшей продуктивностью и большей консервативностью. «В случае с Африкой мы замечаем нечто более интересное, особую когнитивную символизацию с определенным семантическим полем, которое отчетливо очерчено. Пример творчества Африки идеален для понимания эволюции символа и возникновения принципиально нового символа. Это связано с тем, что его творчество аналогично патологическому, впрочем, как любое творчество, благодаря иконичности более

наглядно позволяет понять стадии онтогенеза нового символа» [Бугаев, 1995, с. 132–133].

Его презентация бывших институтов власти направлена в будущее, поскольку в результате контаминации объекта возникает новый символ с новой семантикой (контекстом). «Реализуя индивидуальный (коллективный) подсознательный миф, он использует объекты прошлого для построения личного (коллективного) будущего. Его путь Героя – это, в сущности, лишь одна ячейка национальной биологии» [Бугаев, 1995, с. 134].

24.02.1993. Начинается трехдневный отдых в Ялте. Нельзя сказать, что Сергей Бугаев стал менее странным – он резко встает, чтобы куда-то бежать, но тут же ложится в постель. Скорее, *госпитализм* прогрессирует, считает В. Мазин [Бугаев, 1995, с. 119]. Предсказанный Самохваловым кривой путь домой осуществляется вопреки желанию скорейшего возвращения домой. Вновь имеет место отсрочка и обход: из Симферополя в Ялту, из Ялты в Симферополь, из Симферополя в Киев, из Киева в Москву, и лишь оттуда в Петербург.

Как резюмирует итоги эксперимента В.П. Самохвалов, чтобы уточнить законы эволюции искусства, полезно в качестве объекта исследования рассматривать не саму символическую систему, а художника, точнее поведение последнего. Это предположение связано с гипотезой о том, что поведение можно объективно наблюдать и транслировать в контексте материальной культуры и мифа. Из триады: поведение, объекты культуры, тексты культуры – для Самохвалова первая составляющая является самой объективно фиксируемой. Ведь поведение нисходит к глубинному эволюционному бессознательному, потому что мозг человека включает в себя мозг рептилии, млекопитающих и приматов.

Предложенный С. Бугаевым и В. Мазиным крымский психиатрический арт-проект, который для самих художников был шагом для осознания Африкой структуры и цели предстоящей на родине доктора Фрейда выставки, крымскими учеными-психиатрами был истолкован как подтекст (палимпсест) своего проекта. Ученые на примере Африки описали клинику нового *синдрома навязчивой презентации* (с утверждением авторства термина В.А. Мазина). Для них стало очевидным, что это этап формирования принципиально новых когнитивных (символических) структур. Так родилась концепция Принципиально Нового Символа теории эволюции

искусства и проект «Острый опыт научной эндоэкспекции». Далее этот научный проект стал частью экспозиции. Таким образом, перед нами уникальный случай теснейшего плодотворногоialectического взаимодействия искусства и психиатрии, который ранее наблюдался только в сопоставлении искусства и художественной критики, искусства и искусствоведения (соответственно – литературы и литературоведения, литературной критики).

В палимпсесте проекта группы С.А. Бугаева декларируется: «Вполне возможно, что самой важной проблемой научного и мета-научного концептуального проектирования является вопрос о выборе между эндоэкспекцией<sup>1</sup> и инспекцией» [Бугаев, 1995, с. 124]. То есть следует ли объект рассматривать изнутри или извне, и что достигается и утрачивается при выборе между этими двумя типами проектирования и их последующими презентациями?

«Заметно, что эволюция познания вообще идет в направлении от инспекции к эндоэкспекции, регресс познания означает возврат к инспекции. Всякий раз, когда эндоэкспекция удачна, возникает новое направление науки и искусства. Возможно, также задачей концептуального искусства является обозначение и распознавание символов Мира в человеке (эндоэкспектирование) и человека в Мире (инспектирование). Сам человек организован по принципу двух миров: проективного и интровертивного, т.е. поглощенного; кроме того, сам человек одновременно является объектом инспекции и эндоэкспекции. Символы двух Миров взаимно транслируются, поэтому выпадение символических структур во внешнем Мире приводит к изменению “внутреннего” языка (речи, поведения). Этот процесс клинически выглядит как афазия. Стереотипная презентация философами рассматривается как результат научного шовинизма, связанного с погруженностью в инспектирование и утратой способности заглянуть внутрь явления. **Шовинистической науке** (выделено мной. – А.Л.) следует противопоставить научный анархизм, который рассматривает любую концепцию как версию, подверженную естественному отбору» [Бугаев, 1995, с. 124].

В химии и биохимии все результаты получены исключительно инспекционным методом. Тогда как алхимия намечала

---

<sup>1</sup> Эндоэкспектирование – наблюдение явлений, групп и объектов изнутри, с точки зрения самого объекта.

иной путь развития науки, приписывая элементам этические и психологические качества (добро, зло, алчность), сопряженные с космическими силами. Алхимики пытались рассматривать химические реакции с позиций фермента или ингибитора, считая себя посредниками в превращении элементов. После Средневековья эта позиция считалась бредовой. Большинство разделов химии теперь обходятся без эндоэкспектирования, но без этого метода уже не может обойтись биохимия. Все данные о строении ДНК и РНК, о структуре белков и генов, цикле Кребса (процессе полного окисления в организмах), взаимодействии вирусов с клетками получены на свету. В организмах же большинство таких процессов протекают в полной или относительной темноте. Для того чтобы выяснить, как все это выглядит внутри нас, необходимы специальные исследования в среде, эквивалентной организму. Но пока биохимики, не располагающие техникой, сравнимой по своим размерам с величиной молекул белка, не могут получить таких данных.

Физика от классической механики до современной ядерной физики также исходит из положений тотальной инспекции Аристотеля. Законы Ньютона касаются наблюдателя, находящегося за пределами тех тел, механика которых констатируется. Однако как могут выглядеть эти законы с позиций самих взаимодействующих, движущихся и находящихся в состоянии покоя тел? Физику мешают эндоэкспектироваться, по всей вероятности, размеры и недушевленность предметов познания.

Все математические модели до недавнего времени были результатом инспектирования, что отражается в равнозначной взаимозаменяемости математических символов. Однако большинство разделов новых математик, таких как теории множеств и топологии, имеют операции с неопределенными величинами и понятиями. А такой подход в принципе соотносим с неопределенностью и спонтанностью интуиции. По всей вероятности, математика имеет огромный потенциал эндоэкспекции, который с течением времени может быть транслирован из нее и в другие науки.

Биология в основном пользуется методами эксперимента, т.е. инспектированием. Исключением оказывается этология, занимающаяся наблюдением за человеком и животными в неэкспериментальных, естественных условиях. Исследование этологом культуры предполагает его включенность в культуру. А если этолог наблюдает за приматами, он и должен в принципе вести себя

как примат, включаясь в иерархию группы, учитывая принципы ее организации.

В медицине также доминирует метод инспектирования, однако и с эндоэкспекцией связаны немалые достижения. К попыткам проникновения во внутреннее пространство болезни можно отнести опыты самонаблюдения при прививании самому себе инфекционных патологий, испытания на себе препаратов. Как пишет в статье «Этика и этология художника» сам Сергей Бугаев Африка, «традиция такого рода отношений все-таки определенным образом присутствует еще и тогда, когда, скажем, такие люди как Богданов организуют глобальный утопический процесс полно-го переливания крови жителям земли с целью их объединения» [Бугаев, 1995, с. 139].

Каков психиатрический ответ на петербургский художественный вызов Африки и общий гетеротопический остаток? Формируются два противоположных подхода к концептуальным образованиям. Инспекция предполагает экспирацию, в переводе с латинского (*expiracio*) – выдох, испарение, т.е. феномен отталкивания и отрицания от исследуемой группы, возникающий при инспекции, что ведет к догматизму. Инспекция сопровождается стереотипным и навязчивым воспроизведением одинаковых мыслительных конструкций, стереотипной презентацией. Такое воспроизведение является структурирующим ритуалом и аналогично увеличению проецируемых «Я». «Биологической причиной такой традиции является снижение репродуктивности человека, что вынуждает его замещать число возможных потомков числом стереотипно повторяемых объектов. Число типов презентаций конечно и соответствует числу воплощаемых мифологем... Стереотипизация способствует консервации презентаций и соответственно культуральных символов. При условии снижения разнообразия и гипертрофии, стереотипная презентация приобретает имперский тип. Позитивное значение воспроизведения стереотипных символов состоит в том, что данный процесс является высоко адаптивным, он поддерживает устойчивость культуры» [Бугаев, 1995, с. 125–126].

Совсем иначе дело обстоит с *инспирацией* (от лат. *inspiratio*) – вдох, наполнение. При рассмотрении явления в его внутреннем мире происходит интроекция, основанная не столько на объяснении, сколько на понимании объекта или явления. Этот по сути своей творческий процесс таит свои опасности, так как предпола-

гает слияние с объектом. Так, если исследуемым явлением служит болезнь, вполне вероятно, что исследователь и сам не сумеет выйти из этой болезни. Основной задачей тут оказывается сочетание «ретрогресса к объекту» с «актуальным переживанием собственного Я». Такой процесс напоминает контролируемый транс или игру на сцене.

Утопия и антиутопия – своеобразные вдох и выдох протестно-проективного мышления, а гетеротопия – пространства их актуального переживания.

### **Список литературы**

- Bugaev S. (пс. Африка), Nyover P. Krymания. Каталог и выставка. – Вена: MAK, 1995. – 280 с.
- Mastalerzh N.A. Третье пространство. Общая теория гетеротопии Мишеля Дехана и Ливена де Каутера // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. – Самара, 2012. – № 3 (7). – С. 35–39.
- Российская гетеротопия: от опасности к безопасности и visaversa: монография / Романова А.П., Якушенков С.Н., Баева Л.В., Хлыщева Е.В., Топчев М.С., Лебедева И.В., Бичарова М.М., Алиев Р.Т., Якушенкова О.С. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017. – 234 с. – (Серия «Социокультурные аспекты национальной безопасности России»).
- Frai M. Книга для таких, как я. – Москва: ACT, 2019. – 478 с. – Режим доступа: <http://azbuka.gif.ru/alfabet/m/med-hermenevtika>
- Bryzgel A. Performing the East: Performance Art in Russia, Latvia and Poland Since 1980. – London; New York: I.B. Tauris, 2013. – 303 p.
- De Cauter L., Dahaene M. A space of play // Heterotopia and the City. Public space in postcivil society / Lieven De Cauter, Miel Dahaene (ed.). – Rotterdam, 2009. – С. 89–102.
- Dehaeane M., De Cauter L. Heterotopia and City: Public space in a postcivil society. – New York: First published by Routledge, 2008. – 345 p.

### **References**

- Bugaev, S. (Afrika), Nyover, P. (1995) *Krymaniya. Katalog i vystavka*. Vena: MAK.
- Mastalerzh, N.A. (2012). Tre'e prostranstvo. Obschchaya teoriya geterotopii Mishelya Dekhaana i Livena de Kautera. *Vestnik SGASU. Gradostroitel'stvo i arhitektura*. (3), 35–39.
- Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N., Baeva, L.V., Hlyshcheva, E.V., Topchiev, M.S., Lebedeva, I.V., Bicharova, M.M., Aliev, R.T. & Yakushenkova, O.S. (2017). *Rossijskaya geterotopiya: ot opasnosti k bezopasnosti i visaversa: monografiya*. Astrahan':

- Izdatel': Sorokin Roman Vasil'evich. (Seriya «Sociokul'turnye aspeky natsional'noj bezopasnosti Rossii»).
- Fraj, M. (2019). *Kniga dlya takih, kak ya*. M.: AST. Retrieved from <http://azbuka.gif.ru/alfabet/m/med-hermenevtika>
- Bryzgel, A. (2013). *Performing the East: Performance Art in Russia, Latvia and Poland Since 1980*. London and New York: I.B. Tauris.
- De Cauter, L., Dahaene, M. (2009). *A space of play. In Heterotopia and the City. Public space in postcivil society* / Lieven De Cauter, Miel Dahaene (ed.). Rotterdam, 89–102.
- Dehaeane, M. & De Cauter, L. (2008). *Heterotopia and City: Public space in a post-civil society*. New York: First published by Routledge.